

ТОЛСТОЙ В ЯПОНИИ

Обзор Н. И. Конрада

Тема «Толстой в Японии» одновременно и проста и сложна. Проста в том смысле, что присутствие Толстого в сфере литературы Японии столь же естественно, как и в литературе любой другой культурной страны современного мира; только в Японии Толстой появился несколько позднее, чем на Западе. Тема эта сложна потому, что Толстой затронул в Японии, как и всюду, отнюдь не одну литературу: различными сторонами своей творческой личности он вошел в духовную жизнь японского общества, на многое в этой жизни повлиял — в Японии в некоторых отношениях даже больше, чем на Западе.

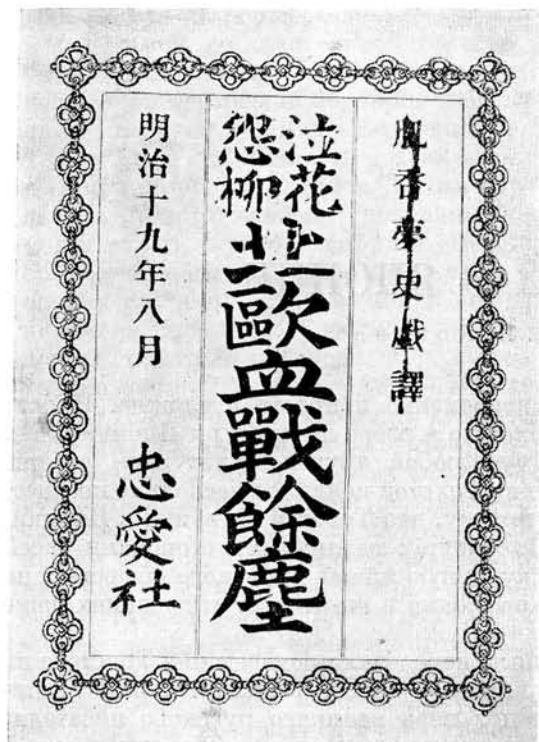
Сразу же предупредим читателя: о переводах произведений Толстого на японский язык мы скажем очень коротко. Дело тут обстоит в высшей степени просто: всё, что вышло из-под пера великого русского писателя, японскому читателю известно хорошо и давно. Переводы Толстого начали появляться в 1880-х годах и с той поры выходили один за другим. Существует бесконечное число изданий отдельных произведений; многократно выходили и выходят разного объема собрания сочинений; издавались и «полные собрания». Появились переводчики, как бы специализировавшиеся на Толстом. Так, Йонэкава Масао перевел его многие художественные произведения, Хара Кюитиро — «всего Толстого»; сейчас том за томом выпускает полное собрание сочинений Толстого в своих переводах Накамура Хакуё. Это последнее издание служит свидетельством того, что интерес к Толстому сохраняется в японском обществе и в наши дни.

Именно этот поистине живой, общественный интерес к Толстому и заслуживает особого внимания: Толстой никогда не был для японцев только писателем-художником; многих из них он учил тому, как надо жить. Они его так и называли: «Учитель».

В 1895 г. в августовском номере популярнейшего и в те годы еще переводного общественного журнала «Кокумин-но томо» появилась «Крейцеров соната». Перевод был подписан двумя именами: Кониси Масутаро и Одзаки Коё. Имя первого тогда никому не было известно; имя второго, наоборот, гремело: это был один из наиболее известных писателей — вождей новой литературы. Но перевел, конечно, первый: Одзаки русского языка не знал, Кониси же не только знал русский язык, выучившись ему в православной семинарии, учрежденной для японцев при русской духовной миссии в Токио, но уже тогда начал увлекаться моральными концепциями русского писателя; впоследствии он, как известно, долгое время лично общался с Толстым и даже перевел для него трактат Лао-цзы — одного из тех древних китайских мудрецов, которого Толстой особенно чтит. Видимо, Одзаки Коё, опытный литератор, читавший «Крейцерову сонату» в английском переводе, только литературно

«СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ»
ТОЛСТОГО, ИЗДАННОЕ НА
ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ (1886)

Титульный лист

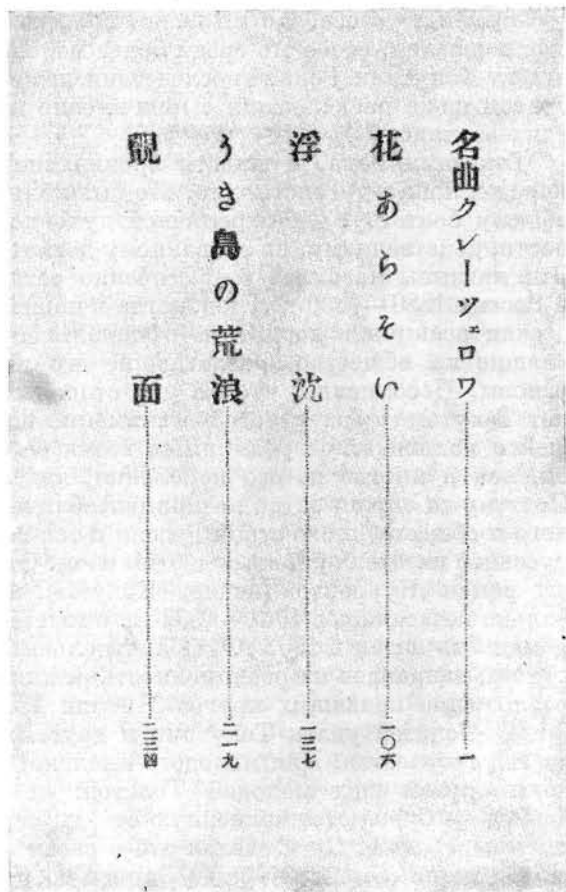

отшлифовал работу тогда еще неопытного переводчика. Но его участие в этом деле само по себе показательное: Одзакэ всегда стремился быть на уровне запросов своего века и, видимо, считал, что тема, с такой силой разработанная в «Крейцеровой сонате», именно этим запросам японского общества в те годы и отвечает.

Так оно было и в действительности. 1880—1890-е годы — время всеобщего преобразования жизни Японии. Страна выходила из феодализма. Выходила не только экономически и политически, но и социально. И социально — не только в смысле классовой перестройки, но и с точки зрения пересмотра самих основ общественной жизни, особенно моральных. Разумеется, одним из острых вопросов, вставших перед японским обществом, во всяком случае — перед его передовой интеллигенцией, был вопрос о любви — плотской и духовной, о браке, о семье. Прежние, державшиеся столько веков положения морали, сложившиеся в условиях феодального общества, не могли удовлетворять поколение, которое выросло в менявшемся социальном строе. Понятно, что «Крейцера соната» не могла не ударить по сердцам многих японцев, наиболее чутких к проблемам морали. Остался вполне видимый след появления этого произведения русского писателя в Японии: трактат «Киндай-но рэнъайкан» («Любовь в современную эпоху»). Его автор — *Куриягава Хакусон*, профессор университета в Киото, специалист по английской литературе, один из тех японских ученых литераторов, которые были проводниками литературы Западного мира и которые, вместе с тем, выступали по вопросам «современных идей», как тогда говорили, т. е. по актуальным проблемам общественной жизни. Об умонастроении этого японского автора можно судить хотя бы по тому, как он озаглавил одну из своих, очень известных тогда статей: «Покинув башню из слоновой кости».

«Крейцера соната» познакомила с русским писателем так называемого широкого читателя; среди же тех, кто, по возможности, следит за всем, что было в литературе и в общественной жизни передовых тогда стран мира, — а таких людей в Японии тогда уже было много — произведения Толстого были не только известны, главным образом, благодаря английским переводам, но и достаточно оценены. В этих кругах Толстой был безоговорочно причислен к великим писателям. Деятели общества «Минъюся» («Друзья народа»), издававшего журнал «Кокумин-но томо», в котором был помещен перевод «Крейцеровой сонаты», выделили тогда из литературных деятелей разных стран и эпох двенадцать таких писателей и пропагандировали их путем издания серии очерков, им посвященных¹. В 1897 г. в составе этой серии вышел и очерк о Толстом. Автором его был *Токутоми Кэндзиро*, по литературному имени *Рока*, — тот самый, воспоминания которого о встрече с Толстым в Ясной Поляне печатаются выше в русском переводе. Это была уже вторая его публикация, посвященная русскому писателю. Еще в 1890 г. он поместил в журнале «Кокумин-но томо» статью «Великое светило русской литературы — Толстой». Этот факт свидетельствует о том, что Толстой стал привлекать к себе молодого японского литератора уже в самые первые годы его деятельности.

Содержание новой работы Токутоми о Толстом — первого в Японии обстоятельного очерка жизни и деятельности великого русского писателя — открывает, что именно привлекало тогда в Толстом японцев, во всяком случае, таких, как Токутоми.

«КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА».
ЯПОНСКОЕ ИЗДАНИЕ (1896)

Обложка

В 1897 г. он был еще молод. Это был представитель одного из национальных вариантов мирового типа «молодого человека» буржуазного века, первой поры истории этого века. Для Франции, где этот тип особенно ярко запечатлен в литературных образах, это была первая половина XIX столетия; для Японии, почти на восемь десятилетий позднее вступившей на буржуазный путь, это был конец XIX — начало XX столетий, т. е. пора, которая для буржуазной Франции была уже «концом века». Поэтому в японском типе «молодого человека», формировавшемся под влиянием особенностей запоздалого общественного развития Японии, с одной стороны, и веяний, идущих из передовых стран Запада, — с другой, причудливо скрещивались черты плохо преодолеваемой отсталости с безудержной жаждой нового, обязательно — самого нового, откуда бы оно ни шло.

Токутоми вырастал в атмосфере общества «Минъюся», главным вождем которого был его старший брат — *Токутоми Сохо*. В 1880-е годы это общество было средоточием пылкой молодежи, увлеченной идеями буржуазной демократии, тогда еще новыми для Японии, образцы которой она видела в общественном строе Англии и Соединенных Штатов Америки середины XIX в. На страницах своего журнала молодежь вела борьбу с остатками феодальных порядков, с косностью в политике, общественной жизни, морали, нравах. Впоследствии, с укреплением буржуазных порядков, этот пыл стал, естественно, остывать, а когда в условиях того же буржуазного режима стали обнаруживаться излишние, с точки зрения добропорядочного буржуа, радикальные устремления, многие из деятелей «Минъюся», в том числе и сам Токутоми Сохо, превратились в охранителей буржуазных устоев. Но в 1890-е годы известный радикализм в них самих еще держался, особенно среди более молодых членов. К ним-то и принадлежал Токутоми Рока, впоследствии даже порвавший со своим старшим братом из-за расхождения с ним именно на почве общественно-политических взглядов.

Токутоми Рока, с юности проявлявший особый интерес к вопросам морали, нашел у Толстого то, что было близко ему самому: призыв к всеобщему братству, к безграничной духовной свободе, высокой нравственности, действительному, не скованному догматизмом религиозному сознанию. Эти призывы казались ему особенно острыми потому, что они звучали в России 1880—1890-х годов, когда в нашей стране господствовала политическая реакция и догматизм официальной религии, губительно действовавшие на общество, разлагавшие его интеллектуальные и моральные основы. Несомненно, что на эти стороны русской действительности тех лет Токутоми обратил особое внимание потому, что симптомы надвигавшейся политической реакции со всеми ее общественными последствиями он, как и многие из его поколения, видел в своей собственной стране. Поэтому-то он так остро воспринял обличение Толстым зол государственного и общественного строя России и так горячо откликнулся на призывы русского писателя бороться с этим злом. Отзывами этих настроений полон его роман «Куросиво» (иначе: «Кокутё»), первая часть которого первоначально печаталась в 1901—1902 гг. в газете «Кокумин симбун»; полностью роман был издан в 1903 г.² Обличительный пафос этого произведения Токутоми направлен на реакционность режима, продажность и нравственное разложение правящих кругов Японии 1880—1890-х годов.

Но Толстой увлек Токутоми и другой, автобиографической стороной своего творчества. Для молодого японского писателя было важно узнать, каким путем шел молодой Толстой: он сам только что пережил свою юность — бурную, исполненную всяких исканий, и жаждал как-то осмыслить пережитое. Он и сделал это в своем замечательном автобиографическом романе «Омоидэ-но ки» («Записи воспоминаний», 1901); в этом произ-

ведении можно без труда заметить явную печать знакомства автора с «Детством», «Отрочеством» и «Юностью» русского писателя.

Не у одного Токутomi можно было в это время обнаружить повышенный интерес к Толстому. В Японии последние годы XIX и первые годы XX в. — пора всевозможных исканий, «исканий истины», как часто тогда говорили. Влиятельным «искателем истины» был *Накадзава Ринсэн*. Он посвятил Толстому работу, в которой назвал жизнь русского писателя «последовательным проявлением Великой Истины» и поставил Толстого в ряд с великими гуманистами нового времени, к числу которых он — наряду с Бетховеном и Ролланом — относил и Ницше, в средний период его жизни³. Позднее Накадзава в своих гуманистических воззрениях опирался, главным образом, на Толстого, Роллана и Гюго. В последний период жизни этот японский литератор проявил большой интерес к марксизму. О его отношении к марксизму говорит заглавие, данное им сборнику статей, посвященных этому учению: «Син-сякай-но кисо» («Основы нового общества», 1920).

Таким представляла себе Толстого Япония в первую пору его проникновения в умы передовой японской интеллигенции. С возникновением русско-японской войны 1904—1905 гг. Толстой предстал перед японским обществом другой своей стороной.

Война застала японское общество на новом рубеже его новейшей истории. Закончился период переустройства страны на капиталистических началах. За это время были введены основные буржуазно-демократические институты: конституция, двухпалатный парламент, местное общественное самоуправление; были юридически уравнены в правах сословия; обеспечена свобода совести — религиозных убеждений; установлено всеобщее обязательное начальное (шестилетнее) образование. Вместе с тем в деревне крепко держалось помещичье землевладение, обрекавшее значительную часть крестьянства на положение арендаторов; в промышленности сохранились элементы патернализма, влиявшие на положение с наймом рабочей силы, на формы эксплуатации. Развитие капитализма ставило под угрозу существование средних и мелких предпринимателей и торговцев, многочисленных ремесленников и кустарей. Молодой японский капитализм перекладывал издержки своего роста на плечи трудящихся и готовился уже к захвату ресурсов соседних стран — Кореи и Китая. На этой почве сошлись интересы новой, капиталистической буржуазии и старого, феодального дворянства, обеспечивавшего складывавшемуся монополистическому капиталу право на безраздельное управление и военную силу.

Эти противоречивые тенденции с приближением войны не только с полной ясностью проявились, но и усилились. Именно в годы, непосредственно предшествовавшие войне, начало складываться рабочее движение современного типа. Как наблюдалось всюду в других отстававших молодых капиталистических странах, в нем сочетались элементы, идущие из социал-демократизма и анархо-синдикализма. Вокруг этого начального и еще пока очень ограниченного по размаху действий этапа активности рабочего класса стало развиваться более широкое демократическое движение, получившее наименование «Хэймин ундо» («Движение простых людей»)⁴. В него влились довольно широкие слои мелкой буржуазии, в частности, мелкобуржуазная интеллигенция и даже некоторые категории крестьянства. Короче говоря, японское общество стояло на пороге борьбы за расширение демократии. Наиболее прозорливые деятели этого движения хорошо понимали, что война помимо своей главной цели — колониальных захватов — послужит реакционной буржуазно-помещичьей власти и для подавления начинающегося в стране широкого демократического движения. Именно поэтому главные деятели «Движения простых людей»

«ИСПОВЕДЬ». ЯПОНСКОЕ
ИЗДАНИЕ (ТОКИО, 1912)

Обложка

выступили против войны и в своей антивоенной борьбе нашли мощную опору у Толстого.

Эту опору им дали известные статьи Толстого, направленные против войны. Напечатанные за пределами России, они немедленно стали известны в Японии. Котоку Сюсуй, один из активнейших деятелей «Движения простых людей», тут же перевел их с английского перевода на японский язык и опубликовал в редактировавшейся им газете «Хэймин симбун» — органе этого движения. Таким образом, сближение передового слоя японского общества с Толстым произошло на почве протеста против войны.

Котоку Дэндзиро, по литературному имени — Сюсуй, однако, не только опубликовал антивоенное выступление Толстого, но напечатал и собственную статью. В ней он восторженно оценил выступление Толстого и целиком солидаризировался с ним, но решительно не согласился с объяснением причины войны. Он отверг положение Толстого, что войны порождаются нравственным упадком людей, и заявлял, что войны возникают в силу экономических противоречий классового общества. Котоку Сюсуй тогда уже достаточно хорошо знал Маркса. Ему принадлежит первый в Японии перевод «Коммунистического манифеста»; он первый в Японии дал общедоступное, написанное в превосходной литературной форме, изложение социализма в большой работе «Сякайсюги синдзуй» («Сущность социализма»). Уже из этого одного ясно, что Котоку Сюсуй был человек иного склада, чем Толстой; человек иных представлений о борьбе, о демократии, о прогрессе. Ему, в частности, были совершенно чужды религиозные идеи Толстого. Но при всем этом смелость и острота обличения Толстым зол буржуазного общественного устройства, гуманистический пафос русского писателя вызывали в нем восхищение⁵. Так к Толстому стало подходить уже другое поколение передовой части япон-

ского общества, поколение второго, более высокого по уровню этапа борьбы за демократизацию своей родины.

Война не только не отделила Японию от России, но, наоборот, вызвала большой общественный интерес к нашей стране, особенно — к русской общественной мысли, воплощенной в русской литературе. Усилился интерес и к Толстому, подогретый его антивоенными статьями. Стало появляться в переводах все больше и больше произведений русского писателя, увеличилось число читателей.

Еще сильнее потянулся к Толстому Токутоми. Тотчас же по окончании войны, в апреле 1906 г., он направился в заграничное путешествие, которое назвал «паломничеством». Как пилигрим, он направился к «святым местам». Такими «святыми местами» были для него, как он сам говорил, Иерусалим и Ясная Поляна. Это путешествие описано им в книге «Записки паломника» (1906), часть которой, относящаяся к пребыванию в Ясной Поляне, печатается в настоящем томе.

О том, как Токутоми оценивал свою встречу с Толстым, читатель может судить по публикуемому переводу; здесь же добавим только то, что он написал в 1918 г. в автобиографическом очерке «Весть весны». Он вспомнил, как, приехав в Ясную Поляну рано утром, вышел прогуляться, дошел до скамейки в лесу, прилег на нее и задремал. Вдруг он услышал

«СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ», ИЗДАНИЕ НА
ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ
(6. г.)

Обложка

голос, окликнувший его: к нему подходил сам Толстой с протянутой рукой. Рука Толстого коснулась в рукопожатии руки Токутоми. Через много лет Токутоми понял, что это означало. Он вспомнил, как на фреске, украшающей потолок Сикстинской капеллы, Микеланджело изобразил беспомощно лежащего гиганта — Адама и как мимо него пронесется в могучем движении величественный старец — Саваоф; как он одним легким прикосновением руки делает эту грудю человеком. Фреска так и именуется: «Сотворение человека». Токутоми понял: с ним тогда произошло то же самое — прикосновением руки Толстой превратил его в человека⁶.

О том, что означало это «сотворение человека» в данном случае, можно увидеть из действий Токутоми по возвращении из Ясной Поляны: он решил порвать со своим прежним буржуазным существованием, отказаться от писательской деятельности и жить трудом своих рук. В феврале 1907 г. он приобрел в одной деревушке неподалеку от Токио маленький участок — таких размеров, который мог обработать сам, собственными силами, и поселился там в крохотном крестьянском покрытом соломенной кровлей домике вместе с женой, приписавшись к местной деревенской общине, т. е. став и формально крестьянином. Его идеалом было возвращение к единственно достойной, по его мнению, человеческой жизни — к жизни земледельца, мотыга которого, как он писал, поднималась над матерью-землей, сверкая в лучах солнца, на заре человеческой истории, и будет сверкать «над тучной равниной Сахары» и тогда, когда «Лондон, Париж, Берлин, Нью-Йорк, Токио станут норами лисиц и зайцев»⁷. Короче говоря, он хотел не только пойти по пути, указанному его русским учителем, но пойти и дальше того в осуществлении своих принципов. Заметим, что у Токутоми детей не было, жена же его полностью разделяла его убеждения и на протяжении всей его жизни была его верной спутницей.

Как и следовало ожидать, из всего этого ничего не вышло, и Токутоми скоро сам понял вопиющую фальшь своего «опрощения» и возвращения к «праведной крестьянской жизни» и, будучи всегда непримиримым ко всякой жизненной лжи, кончил тем, что порвал с этим искусственным существованием и вернулся к писательскому труду. Но об этом следует говорить особо, здесь же мы упомянули об эпизоде в жизни японского ученика Толстого для того, чтобы сделать еще более ясным, насколько далеко зашло влияние Толстого на одного из крупнейших японских писателей нового времени. Остается только добавить, что литература от этого выиграла: «Бормотанье земляного червя» — книга, излагающая всю историю этого «ухода» Токутоми из буржуазного мира, описывающая его жизнь в деревне с беспощадной к себе откровенностью, раскрывающая, как постепенно и незаметно он стал обрести собственностью, как ничего не вышло из его «крестьянства», осталась замечательным документом и одним из лучших произведений японской литературы. Все в ней так и дышит Толстым, — конечно, преломленным через японскую обстановку и индивидуальность ее автора.

О возвращении писателя к реальной жизни и к общественной деятельности и вместе с тем о сохраняющейся верности идеям своего русского учителя красноречиво говорит следующий эпизод. В июне 1910 г. японская полиция неожиданно произвела ряд политических арестов. Официальная версия объясняла эти аресты раскрытием подпольной группы революционеров-социалистов, замышлявших убийство императора. Главным руководителем этой группы был объявлен Котоку Сюсуй.

Поскольку арестованные были названы тяжкими государственными преступниками, суд был негласный. В январе 1911 г. был объявлен приговор, по которому двадцать четыре обвиненных подлежали смертной казни через повешение. Разумеется, в их числе был и Котоку Сюсуй.

В этих условиях Токутоми, одушевляемый идеями своего русского учителя, не мог молчать. Он решил протестовать против такого приговора. Сначала он обратился к Кацура Таро, тогдашнему премьер-министру, с ходатайством отменить смертный приговор. Когда из этого ничего не получилось, он поместил в газете «Асахи симбун» письмо к императору Муцухито с просьбой о спасении жизни осужденных. Между прочим самый факт помещения письма в одной из самых распространенных японских газет говорит о вызванных этим приговором настроениях в японском обществе. Под влиянием ли этих общественных настроений или по каким-либо своим соображениям правительство изменило приговор: для половины осужденных смертная казнь была заменена пожизненной каторгой, но двенадцать человек, в их числе Котоку Сюсуй и его жена Канно Суга, были повешены. Эти казни произвели на японское общество удручающее впечатление.

Как реагировал на них Токутоми? Вскоре после этого ему пришлось выступить с лекцией в Первой высшей нормальной школе в Токио: у студентов этой школы было обыкновение приглашать к себе известных литераторов. Токутоми прочитал им лекцию «Мухонрон» («О восстании»). В ней он резко нападал на правительство, требовал свободы мысли, убеждений, говорил о необходимости революции человеческого сознания, духовной революции — важнейшей, по его мысли, вообще. Сохранились свидетельства, что его выступление произвело на слушателей очень сильное впечатление.

«Тайгяку-дзикэн» («Дело о великом преступлении»), как официально именуется процесс Котоку, было не только одним из крупнейших по значению событий внутренней истории Японии; оно сыграло роль пробного камня для определения гражданских позиций японских писателей. С протестами выступили многие крупные и передовые в то время писатели: Йосано Тэкан, Сато Харуо, Хирадэ Осаму, Исигава Такубоку, Акита Удзюку и некоторые другие. Но они протестовали в своих произведениях — рассказах, стихах; нередко — в завуалированной форме, инскапательно. Нагай Кафу, влиятельнейший уже тогда представитель молодой литературы, хорошо знал, как он сам признавался, что Золя в деле Дрейфуса счел своим долгом именно как писателя протестовать против судебного приговора, бороться за справедливость и гуманность, но сам он дальше простого протеста не пошел и предпочел, как он выразился, укрыться в «сосаку саммайно сэйкацу» («жизни литературы, отрешенной от повседневности»). Всем этим общественная репутация японских писателей была спасена, и только один из этой среды, именно Токутоми, решился на открытое, смелое для тех времен выступление.

Протест Токутоми против смертной казни явился наиболее ярким проявлением революционного воздействия на него идей Толстого — в той мере, в которой это воздействие могло вообще проявиться в кругах буржуазной интеллигенции. В дальнейшем влияние Толстого в буржуазном обществе Японии идет главным образом по линии идей гуманизма в его моральном и общечеловеческом аспекте.

Для понимания такого влияния Толстого на умы японцев, наиболее ярко в эту пору сказавшегося именно на писателях, необходимо учитывать, какими путями проникали в Японию идеи гуманизма в его западной версии, разумеется, в новой, уже не возрожденческой, форме, т. е. идеи европейского гуманизма XIX в.

Гуманизм нового времени японцы последней четверти XIX в. видели в том направлении общественной мысли в Англии, которое выступало против философского и политического утилитаризма, направления, столь характерного для умов английской буржуазии первой половины и середины XIX столетия. Гуманистами-борцами против утилитаризма

казались тогда японцам такие философы и критики, как Рескин и особенно — Карлейль; такие писатели, как Диккенс. Продолжателя дела Диккенса они видели в Гиссинге, считая, что последний усилил социальную окраску диккенсовского гуманизма, приблизив его тем самым к представлениям и запросам пролетариата. Однако высшей своей ступени этот новый гуманизм достиг в представлении японцев конца XIX — начала XX в. в России, в русской классической литературе, а в ней наиболее полно и ярко у Толстого и Достоевского. На первых порах из этих двух великих русских писателей главное место занимал безусловно Толстой.

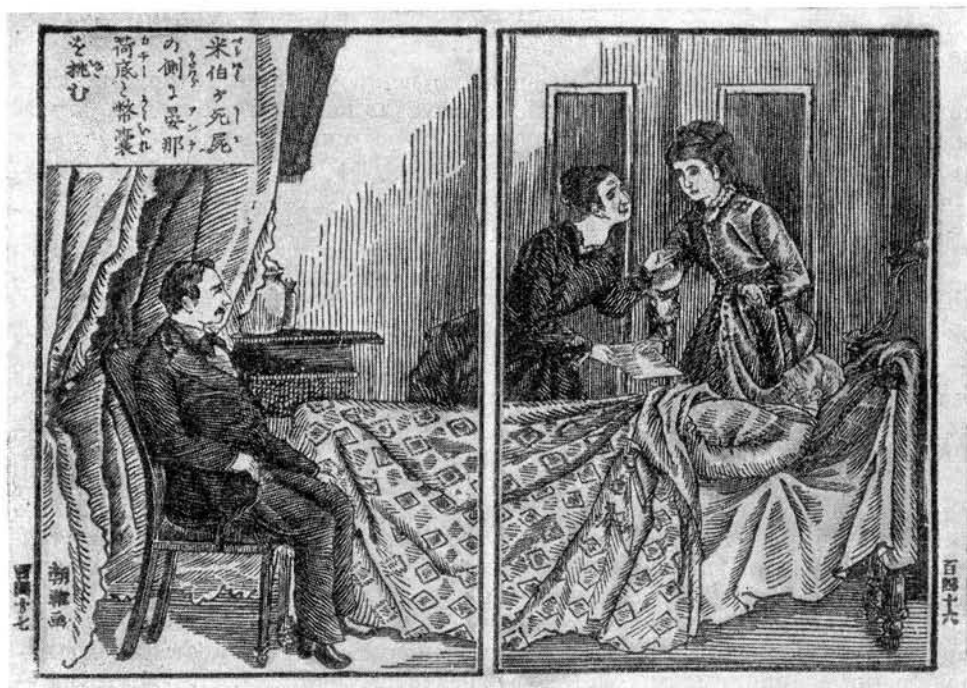
Примечательна одна подробность, характеризующая начало знакомства японцев с русским гуманизмом вообще и гуманизмом Толстого в частности. 1870-е годы, когда японцы о Толстом вообще ничего не знали, были для Японии эпохой утилитаризма, питавшегося веяниями, которые шли из Англии и Америки; проникновение новых, буржуазных порядков, особенно в экономической области, выступало под знаком именно утилитаризма. Но уже тогда среди части молодой японской буржуазии стал зарождаться протест против захлестывавшей все области жизни волны утилитаризма, порождавшего грюндерство полностью авантюристического типа, делячество совершенно беспринципного характера, безразличие к интеллектуальным и моральным запросам — чуть ли не демонстративное. В поисках какой-то опоры эти круги японского общества обратились: одни — к идеям Великой французской буржуазной революции, другие — к русскому нигилизму, т. е. к тому, что им казалось тогда самым революционным. На этом последнем пути японцы столкнулись с С. М. Степняком-Кравчинским — с его «Подпольной Россией» и другими работами, напечатанными за пределами нашей страны⁸. От него они и узнали о Толстом как гуманисте.

Конечно, это было лишь первое, весьма смутное представление об этой стороне личности Толстого. Только после русско-японской войны, когда знакомство с произведениями великого русского писателя стало доступным, гуманизм последнего начал обрисовываться с большей полнотой. Огромную роль в этом сыграло «дело Котоку» — двенадцать смертных казней, потрясших всю мыслящую, обладающую чуткой общественной совестью часть японского общества.

Главным произведением Толстого, представившим в глазах японцев великий гуманизм русского писателя, был в эти годы роман «Воскресение». В 1908 г. вышла в полном переводе первая часть этого произведения, в 1910 г. — вторая. Переводчиком был Утида Роан, один из крупнейших литературных критиков, общественных публицистов и писателей тех лет. Перевод был сделан с английского, но у переводчика был консультант, хорошо знавший русский оригинал: знаменитый Фтабатэй Симэй, основоположник нового японского романа, первый проводник реалистического метода в новой японской литературе — метода критического реализма, усвоенного им у русской классической литературы XIX в., первым в Японии знакомом и переводчиком которой он был. Поэтому перевод «Воскресения», сделанный не с русского текста, был достаточно верен оригиналу. Разумеется, в дальнейшем последовали переводы, сделанные уже непосредственно с русского.

О том, какое впечатление произвело это произведение Толстого на японцев, можно судить по следующему факту.

В 1913 г. начал свою деятельность «Гэйдзюцудза» («Художественный театр»). Это была труппа, состоявшая из актеров европейской школы актерского искусства и намеревавшаяся играть пьесы новой драматургии, в первую очередь — европейской. Во главе труппы стояли Симамура Хогэцу и Мацуй Сумако. Первый был тогда известным писателем — прозаиком и драматургом, литературным критиком, одним из рьяных про-

«СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА». ИЛЛЮСТРАЦИЯ ИЗ ЯПОНСКОГО ИЗДАНИЯ «СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ТОЛСТОГО» (б. г.)

Гравюра

пагандистов наиболее влиятельного тогда направления японской литературы, получившего наименование «натурализма». Сначала под этим наименованием выступала чисто реалистическая литература, со второго десятилетия XX в. она действительно приобрела черты натурализма. Вторая была актриса, получившая театральное образование на курсах «Бунгэй кёкай» («Литературно-художественного общества»), основанного в 1906 г. Цубоути Сёё — одним из крупнейших литературных деятелей новой Японии, писателем, критиком, теоретиком литературы и театра, знатоком Шекспира, подарившим своей стране первый и образцовый перевод всех произведений великого английского драматурга. В те годы Цубоути всю свою энергию направил в театральную сферу, поставив своей задачей создать новый японский театр, основанный на новой драматургии и на новом исполнительском искусстве. Мацуй Сумако еще до вступления в труппу «Художественного театра» успела сыграть в спектаклях, организованных Литературно-художественным обществом, роль Офелии — в «Гамлете» Шекспира, Норы — в «Кукольном доме» Ибсена и Магды — в «Родине» Зудермана. Первой пьесой, поставленной в 1913 г. «Художественным театром», была «Монна Ванна» Метерлинка, главную роль в которой исполняла, разумеется, Мацуй Сумако. Тем самым она уже выдвинулась в первый ряд актеров нового японского театра; однако решающую роль в ее славе сыграло исполнение ею роли Катюши Масловой в «Воскресении» Толстого, инсценированном для нее самим Симамура Хогэцу. В пьесу была введена песенка, которую пела Катюша в сцене с Нехлюдовым еще в часы своего счастья. Простая, доходчивая мелодия этой песенки, столь же простые трогательно-наивные слова, благодаря удачному исполнению артистки, стали как бы символом самой Катюши, во всяком случае — в первой

фазе ее жизни. Песенку эту вскоре стала петь буквально вся Япония. Ее не забыли и до сих пор.

Успех «Воскресения» был совершенно исключительный. Труппа «Художественного театра», не имевшая своего стационара и все время разъезжавшая по стране, показала инсценировку во многих городах и создала этому произведению Толстого неслыханную до тех пор популярность. «Воскресение», а за этим романом и другие произведения русского писателя, стали читать и те, кто до тех пор Толстым совершенно не интересовался. Еще больше усилился интерес к Толстому после того как «Художественный театр» поставил «Живой труп», разумеется, с Мацуй Сумако в главной роли.

Современные историки японской литературы по-разному относятся к этим фактам. Некоторые считают, что спектакли «Художественного театра» «снизили» Толстого, приспособив его к невзыскательным вкусам массового зрителя. Действительно, в пьесе «Воскресение» на первый план выступили те нотки этого, может быть глубочайшего, произведения Толстого, которые могли звучать как «чувствительные», «трогательные» и т. п. Но в то же время нельзя упускать из виду и то, что путь к овладению умами часто идет через овладение чувствами. Во всяком случае толстовские спектакли «Художественного театра» привели к тому, что Толстого стали читать бесконечно больше, чем раньше.

Такое усиление общественного внимания к Толстому не могло не отразиться и на японской литературе. Симамура Хогэцу и писатели его направления воспринимали Толстого в аспекте натурализма. Но уже тогда — еще в годы, предшествовавшие первой мировой войне, другая группа японских литераторов с ожесточением восстала против натурализма в литературе. Они заявляли, что натуралистическая литература изображала человека каким-то механизмом, существом, утратившим всякую живую жизнь, переставшим быть самим собою. Они призывали писателей возродить в литературе человека как такового, показать ничем не ограниченную свободу его мысли, жизни, поведения; призывали не описывать лишь то, что видно, а открывать в человеке, в жизни невидимое глазу, новое, неизвестное; призывали всемерно расширять содержание внутреннего мира человека и его жизни.

Не подлежит сомнению, что многое в этих устремлениях возникло под влиянием некоторых течений европейского «конца века» — течений, также вступивших в бой с натурализмом. Это были, главным образом, те направления, которые выступали под флагом то нового романтизма, то нового идеализма. Но еще более это японское движение было обязано Толстому, именно — его гуманизму. Поэтому наиболее общественно значительным направлением японской литературы этих лет стало то, которое получило наименование «гуманизма». Главным его органом был журнал «Сиракаба», основанный в 1910 г. Это же название стало и наименованием всей группы.

Вождем этой литературной группы был *Мусянокодзи Санэацу*, впоследствии занявший положение одного из ведущих писателей Японии 1910—1920-х годов, «властителя дум» некоторой части молодого поколения этих лет. Он и стал вторым после Токутomi прямым последователем Толстого в Японии.

«Когда мне было еще двадцать лет, я уже преклонялся перед Толстым, и мне не хотелось встречаться ни с кем другим» <...> «Вместо этого, — думал я, — лучше прочесть хотя бы одну страницу Толстого», — так писал Мусянокодзи Санэацу впоследствии. Особенное влияние на него оказали «Исповедь» и «В чем моя вера?» Толстого. Из этого явствует, что в Толстом его привлекало не гневное обличение политического и общественного строя своего времени, как это было у Токутomi, а моральные идеи,

гуманистический пафос. Он воспринял Толстого как проповедника «любви к человечеству» (дзинруйай), как певца высоты человеческого духа. Захватили его и мысли Толстого о необходимости жить своим трудом, отказавшись от личной собственности. Под влиянием этих идей Мусянокодзи Санэацу поднял движение за устройство трудовых земледельческих коммун, где каждый должен был определенное время отдавать работе, обеспечивающей удовлетворение общих нужд членов коммуны, остальное же время мог бы отдаваться труду по собственному выбору: писатель мог бы писать свои произведения, ученый — вести свои исследования и т. д. Так возникли под названием «Атарасики мура» («Новая деревня») трудовые коммуны интеллигенции. Первая из них была организована в 1918 г. Это был японский вариант «толстовских колоний» в России.

К этому можно только добавить, что в Японии эти колонии были столь же непрочны, как и в России. Они распадались в силу внутренних неурядиц, происходивших от органической фальшивости подобных предприятий в условиях буржуазного общественного строя. Все же они не только были сами наглядным проявлением уже имевшегося большого влияния Толстого в определенных слоях интеллигенции, но и способствовали усилению интереса к произведениям и идеям русского гения в широких кругах японского общества.

Влияние гуманистических идей Толстого сказалось на творчестве и деятельности не только одного Мусянокодзи Санэацу, но и других членов группы «Сиракаба», особенно таких, как прозаик *Арисима Такэо* и драматург *Курата Момодзо*. Влияние Толстого проявлялось различно: Мусянокодзи Санэацу оставался в рамках этического гуманизма, Курата Момодзо был во власти гуманизма религиозного, Арисима Такэо в конце жизни подошел к гуманизму социалистическому. Все это требует, однако, особого изложения и здесь сколько-нибудь подробно освещено быть не может. Добавим только, что о росте общественного интереса к Толстому свидетельствует появление в 1916 г. под редакцией Като Такэо — уже вне рамок движения «Сиракаба» — специального журнала «Торустой кэнкю» («Толстоведение»).

В заключение необходимо сказать об общественной обстановке, в которой развивалось обращение к Толстому, относящееся к описанному второму периоду «истории Толстого» в Японии.

Процесс Котоку Сюсуя и других привлеченных по делу о покушении на жизнь императора оказался симптомом поворота во внутренней истории Японии. Поворот этот связан с двумя взаимно противоречащими и вместе с тем взаимно зависимыми обстоятельствами: расширением общественной борьбы за дальнейшую демократизацию политического и социального строя и усилением сопротивления этому движению со стороны правящих кругов.

Главная роль в общественной борьбе все более и более переходила к рабочему классу с примкнувшими к нему слоями буржуазной интеллигенции при поддержке наиболее активной части крестьянства; главными же устоями общественной реакции становились выраставшие монополистические организации японского капитализма, подчинявшие своему влиянию бюрократический аппарат управления и органы политической и военной власти. В такой обстановке в буржуазной среде первое место заняла концепция этического гуманизма Толстого; элементы же воинствующего обличительного гуманизма были приняты на вооружение новым классом, поднявшимся на борьбу уже не только за буржуазно-демократическую перестройку своей страны, но и за переход ее на высшую — социалистическую — ступень демократии. Отражение этих революционных идей Толстого теперь уже надлежало искать в так называемой «пролетарской литературе» — наиболее общественно значимом направлении

японской литературы 1920-х годов, революционно-демократическом по своему содержанию.

Так продолжалось до начала 1930-х годов, когда правительственные репрессии, обрушившиеся на Коммунистическую партию Японии и на все левое движение, вынудили уцелевших его деятелей перейти в подполье.

Революционную силу толстовского гуманизма хорошо понимали, однако, и наиболее умные и чуткие писатели, формально стоявшие в стороне от пролетарской литературы. Таким писателем был уже упомянутый Арисима Такэо; другим — *Акутагава Рюноске*.

У последнего есть рассказ «Вальдшнеп»⁹. Сюжетом его служит один эпизод из жизни Толстого в Ясной Поляне: приезд туда Тургенева и их совместная охота. Рассказ этот может служить превосходным свидетельством того, насколько увеличилась популярность Толстого в широких кругах японского общества, во всяком случае, среди писателей. Этот рассказ написан человеком, великолепно знавшим не только произведения самого Толстого, но и обширную литературу о нем, в том числе и мемуарную. Однако важнее другое. Акутагава Рюноске преклонялся перед Толстым как писателем-художником и совершенно не принимал его религиозно-нравственного учения. И все же он сказал:

«„Исповедь“ и „В чем моя вера?“ Толстого были ложью. Но ничье сердце не страдало так, как сердце Толстого, ее рассказывающего. Его ложь сочится алой кровью куда больше, чем правда иных»¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это были: Карлейль, Маколей, Огю Сорай, Вордсворт, Гете, Эмерсон, Тикамацу Мондзаэмон, Араи Хакусэки, Гюго, Толстой, Рай Санъё и Такидзава Бакин.

² Русское издание: Токутоми Рокка. Курсиво. Перевод И. Львовой. М., 1957; там же статья И. Львовой об этом романе и о творчестве Токутоми.

³ См. его рассказ «Араси-но маэ» («Перед бурей», 1918), где выведен Ницше средней поры его жизни и деятельности.

⁴ См. об этом в статье: Е. Жуков. Первый этап социалистического движения в Японии и марксизм. — Сб. статей «Памяти Карла Маркса». Л., 1933, стр. 759—779. См. также: Г. Д. Иванова. Котоку — революционер и литератор. М., 1959.

⁵ См. указанную работу Г. Д. Ивановой «Котоку — революционер и литератор», а также две другие статьи Г. Д. Ивановой: «Деятельность газеты „Хэймин симбун“ и ее редактора Котоку Дэндзиро». — Уч. зап. ЛГУ. Серия исторических наук, 1956, № 220, вып. 26, стр. 142—155 и статью о Котоку на стр. 561—568 кн. 1-й наст. тома.

⁶ Токутоми Кэндзиро. Синсюн («Новая весна»). Токио, 1918, стр. 37—39.

⁷ См. поэму Токутоми в прозе «Но» («Земледелец») в сб. «Мимидзу-но тавагото» («Бормотание земляного червя»). Токио, 1913.

⁸ «Подпольная Россия» С. М. Степняка-Кравчинского появилась в японском переводе в 1884 г. под заглавием «Они сюсю» («Демоны вопиют»).

⁹ Русский перевод: Акутагава. Новеллы. Перевод с японского, предисловие и комментарии Н. Фельдман. М., 1959, стр. 200—209.

¹⁰ Там же, стр. 401.